

Фёдор Гайда

Рец. на: И.Н. Стрекалов. Народная тайна русской революции. 1905–1917 гг. М.: Родина, 2020. 478 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)

Rec. ad op.: I.N. Strekalov. Narodnaya taina russkoy revoliutsii. 1905–1917 gg. Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722010228

Монография И.Н. Стрекалова посвящена деятельности советов рабочих депутатов в период Первой русской революции и в 1907–1917 гг. Она написана на основе кандидатской диссертации, защищённой в 2020 г.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

в МГУ им. М.В. Ломоносова. Обосновывая актуальность исследования, автор признаёт уникальность феномена советов в начале XX в. Но, в отличие от писавших об этом советских историков, он связывает с советами появление в России «элементов автономно существующих от власти организаций гражданского общества», что будто бы свидетельствовало о движении страны по европейскому пути развития (с. 7–10, 47, 446). Однако к тому времени в империи уже существовали и продолжали активно формироваться самые разнообразные общественные организации¹. Но, как пишет Стрекалов, «будучи наделёнными полномочиями от представителей рабочих, солдат, крестьян, советы впервые в новой российской истории именно в 1905 г. возглавили непосредственную борьбу народных масс за народное правление» (с. 9).

В целом, данная тема была достаточно обстоятельно изучена ещё в СССР, и автор книги хорошо ориентируется в существующей историографии. Это позволило ему сосредоточиться на тех аспектах, которые ранее не получили должного освещения. Так, Стрекалов рассматривает, какие модели советов сложились в 1905 г., как их опыт воспринимался в российском общественном мнении и использовался до февраля 1917 г. Таким образом, речь идёт о времени, когда советы не составляли какой-либо системы, а их задачи и структуры только формировались, причём решающее влияние на них оказывала низовая инициатива, зачастую связанная с активностью отдельных личностей и групп. Неудивительно, что автор уделяет им повышенное внимание.

Исследование опирается на широкий и разнообразный комплекс источников, материалы пяти архивов (ГА РФ, РГАСПИ, РГИА, РГВИА, коллекции Гуверовского институ-

та) и публикации 48 периодических изданий. Характеризуя особенности делопроизводства Департамента полиции МВД, Стрекалов указывает на заведомую недостоверность сведений, поступавших от агентов, на преувеличение или сокрытие тех или иных фактов сотрудниками в зависимости от их личных интересов или оценки ситуации (с. 15–16). Вместе с тем стоило бы обозначить и специфику партийных документов, которые отличались идеологической ангажированностью, а зачастую и пропагандистской направленностью. Важную роль тут играли и публицистические произведения 1905–1917 гг.

Основная часть исследования построена по хронологическому принципу и состоит из трёх глав, посвящённых, соответственно, 1905–1907, 1907–1914 и 1914–1917 гг. Каждая из них включает тематические параграфы, в которых прослеживается создание советов в столицах и различных регионах России, в армии и на флоте, а также отражение их деятельности в общественной и партийной полемике. Крестьянские советы автором не рассматриваются.

Историк вычленяет четыре модели поведения советов «как органов власти народа»: 1) «органы стачечного и забастовочного движения» (наиболее ярким примером выступает Иваново-Вознесенский совет); 2) Петербургский совет как «второе правительство» столицы России; 3) «органы вооружённого восстания» (советы европейской части России, в первую очередь московский); 4) «органы в режиме двоевластия» (Сибирь, Украина, Кавказ). Собственно Петербургский совет выделен особо, потому что для него в той или иной мере были свойственны признаки всех этих типов (с. 45–46).

Говоря о феномене Иваново-Вознесенска, Стрекалов не ставит под

сомнение привычное представление о том, что именно там рабочие впервые образовали свой совет. Однако, как давно уже установлено, первое «собрание рабочих депутатов» возникло в марте 1905 г. в Алапаевске и представляло трудящихся местного металлургического завода и рудников. Его председателем избрали эсера Е.А. Соловьёва (позднее он присоединился к большевикам, стал одним из организаторов убийства царской семьи, в 1934 г. был репрессирован и умер в ссылке). В апреле, опять же на Урале, появился «совет уполномоченных» в рабочем посёлке Надеждинске (Серове). Эти структуры выдвигали не только экономические, но и политические требования, проводили демонстрации, создавали рабочие дружины. Надеждинский совет взял под контроль весь посёлок². Любопытно, что органы самоуправления в заштатных городах России с 1892 г. именовались «собраниями городских уполномоченных». Широко употреблялись слова «депутат» и «совет». Выражение же «рабочий совет», скорее всего, появилось по аналогии с британскими *trades council* (профсоюзы с подобными названиями известны с 1848 г.).

Иваново-Вознесенский «совет уполномоченных», образованный в мае 1905 г., был по меньшей мере третьей подобной организацией в России. Он действовал уже «в рамках целого города» (с. 53), добиваясь, помимо прочего, прекращения русско-японской войны, ликвидации самодержавия, созыва Учредительного собрания и проч. Его задачи и лозунги формулировали большевики: местный рабочий Ф.А. Афанасьев и присланный партией М.В. Фрунзе (с. 47–48). Правда, не совсем ясно, как именно складывались их взаимоотношения с председателем совета — беспартийным поэтом и гравёром А.Е. Ноздриным (в будущем — сотрудником благотворитель-

ных организаций СССР, репрессированным в 1938 г.).

Стрекалов убеждает читателей в значительной власти Петербургского совета (с. 55–82) и показывает, насколько важную роль играл его председатель — Г.С. Носарь (Хрусталёв), стремившийся сочетать легальные и нелегальные формы политической борьбы (с. 63–64). Под влиянием этого полтавского земляка и друга Г.А. Гапона, человека сложных взглядов и непростой судьбы, представители столичного пролетариата колебались между организацией стачек и восстания. Однако впоследствии, как отмечает историк, именно этот совет и его решения вызывали наибольший интерес у современников (с. 81–82). Уже в 1906 г. состоялась газетная полемика Носаря и В.И. Ульянова (Ленина) об основной роли советов: являются ли они органами народного самоуправления или их создание необходимо прежде всего для захвата власти революционерами? Спор имел большой общественный резонанс, и в нём Хрусталёва, в частности, поддержал П.Н. Милюков (с. 115–118).

Автор монографии достаточно высоко оценивает успехи советов как носителей «народной власти» в 1905 г. По его мнению, неуступчивость власти их только усиливала, и лишь отсутствие решительной поддержки рабочих со стороны крестьянства и армии привело к подавлению революции (с. 145). Однако историк признаёт, что в 1906 г. все попытки возродить советы ограничились по сути агитацией и резолюциями (с. 112–129).

Тем не менее в профсоюзном движении 1907–1914 гг. «советы уполномоченных» продолжали функционировать. Однако их активисты, стремясь к конкретным улучшениям условий труда и быта, демонстрировали склонность к компромиссам с властями (с. 222–263). Совет ра-

бочих депутатов, существовавший при Петербургском комитете Партии социалистов-революционеров в 1913–1914 гг., являлся сугубо маргинальным образованием: сведений о его составе и работе мало, трудно даже сказать, когда, собственно, он сформировался. Но уже в марте 1914 г. арест нескольких членов привёл к прекращению его существования (с. 268–293, 301–302). В монографии также рассмотрены слабые попытки возродить советы в армии и на флоте в 1907–1916 гг. (с. 302–357). Между тем на единственное солдатское восстание за весь межреволюционный период — мятеж сапёрных батальонов в Туркестане в 1912 г. — эти идеи никак не повлияли.

Показательно, что ситуация изменилась лишь с учреждением осенью 1915 г. военно-промышленных комитетов (с. 367–404, 413–420). По сути, на тот момент только созданные при этих общественных организациях, финансировавшихся правительством, рабочие группы, включали в свой состав выборных делегатов от фабрик и заводов. Имея легальный статус и всероссийский размах, они могли вести и неле-

гальную деятельность. С началом думского «штурма власти» в ноябре 1916 г. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета резко активизировалась. При этом руководству ЦВПК она не подчинялась³. В январе 1917 г. её членов арестовали, но уже 27 февраля, после победы революции, освободили. Как пишет Стрекалов, именно они и Носарь-Хрусталёв сыграли решающую роль в возникновении вечером того же дня в Таврическом дворце Петроградского совета (с. 428–434).

В целом, монография И.Н. Стрекалова является значимым для современной науки трудом, раскрывающим важный аспект политической жизни России начала XX в.

Примечания

¹ Подробнее см.: Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

² Исторический опыт трёх российских революций. Т. 1. М., 1985. С. 389.

³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 262–263.